DOI: 10.22394/2304-3369-2020-5-132-146 ВАК: 08.00.05

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ НА ОСНОВЕ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

А.О. Акулов[1a], **А.В. Мухачёва**[2a], **А.Ю. Нестеров**[3a]

[a]Кемеровский государственный университет

АННОТАЦИЯ:

Важнейшим аспектом стратегического управления развитием территорий и регионов является оценка результатов реализации стратегии. В настоящее время методические подходы к оценке реализации стратегии носят упрощенный характер. В связи с этим необходима разработка методических подходов, позволяющих более целостно определить результаты реализации стратегии с учетом сбалансированности регионального развития.

В исследовании использована система сбалансированных показателей Р. Каплана – Д. Нортона и статистические методы снижения размерности в ситуации информационной избыточности (корреляционный анализ, факторный анализ). Был разработан подход к оценке результатов реализации стратегии развития региона, при котором сначала выделяются перспективы стратегического развития, а затем по каждой из них проводится исключение наименее информативных показателей. В соответствии с целевыми значениями стратегических показателей в рамках разных сценариев стратегического развития, фактические значения могут быть отнесены к зеленой, желтой или красной зоне.

Применение данного подхода к Кемеровской области – Кузбассу позволило выделить четыре стратегические перспективы: «Инфраструктура» (создание исходных условий для роста), «Экономика», «Качество жизни» и «Экология». Перспективы «Экономика» и «Качество жизни» в документах стратегического планирования сильно перегружены (15–16 показателей), поэтому ряд стратегических индикаторов был исключен. Сопоставление фактических показателей стратегического развития Кемеровской области – Кузбасса за 2019 г. с целевыми в рамках инерционного, целевого и оптимистического сценариев дало возможность оценить результаты первого года реализации стратегии. Показатели перспективы «Инфраструктура» находятся в зеленой зоне и соответствуют целевому сценарию, что указывает на планомерное создание условий для экономического роста. Большинство показателей перспективы «Экономика» оказались в красной либо желтой зонах, преимущественно из-за неблагоприятной ситуации в угольной отрасли в 2019 г. Вследствие этого не удалось добиться полной реализации целей, связанных с качеством жизни, в особенности демографических и в сфере доходов населения.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена по результатам выполнения научно-исследовательской работы, финансируемой из средств ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» на тему «Система показателей оценки социально-экономического состояния региона и реализации стратегии его развития (на примере Кемеровской области)».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стратегия, регион, система сбалансированных показателей, методика оценки, корреляционный анализ, Кемеровская область – Кузбасс, сбалансированность стратегии.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Акулов А.О., Мухачёва А.В., Нестеров А.Ю. (2020). Комплексная оценка реализации региональных стратегий на основе статистического анализа // Вопросы управления. № 5. С. 132–146.

[1]AuthorID РИНЦ: 614574, ORCID: 0000-0002-2301-7943
[2]AuthorID РИНЦ: 680524, ORCID: 0000-0002-3720-4969
[3]AuthorID РИНЦ: 394642, ORCID: 0000-0002-9854-4860

© Акулов А.О., Мухачёва А.В., Нестеров А.Ю., 2020

Введение и постановка проблемы

Наличие в России значительного числа документов стратегического планирования регионального уровня обуславливает управленческую проблему корректной оценки уровня их исполнения. Отсутствие практики периодической оценки реализации стратегических целей обессмысливает попытки стратегического управления социально-экономическим развитием, поскольку тем самым из системы управления исключается такой основополагающий элемент, как обратная связь и корректирующие воздействия. Разумеется, определение степени и уровня реализации стратегических целей субъектов РФ предполагает использование научно обоснованных методик, позволяющих агрегировать и анализировать разноплановую информацию. Недостаточное внимание к анализу и оценке реализации документов стратегического планирования после их принятия – одна из главных причин неисполнения стратегий и программ по социально-экономическому развитию регионов.

Безусловно, существует и ряд субъективных проблем – несоответствие сроков действия стратегий субфедеральному политическому циклу, неразвитость конституционно-правовой ответственности за неисполнение документов стратегического планирования, разрыв декларируемых в стратегии и реальных приоритетов лиц, принимающих решения. Однако значительно важнее, что разделы по оценке хода реализации стратегии и возможным корректирующим воздействиям в региональных документах стратегического планирования либо отсутствуют в принципе, либо являются самой лаконичной их частью.

Крайне скупо вопросы мониторинга реализации документов стратегического планирования оговаривает также федеральное и региональное законодательство. В частности, Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» устанавливает, что «высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации готовит ежегодный отчет о ходе исполнения плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития» [1, ст. 44]. Это говорит об обязательности оценки процессов, а не достигнутых результатов.

Поскольку типичная региональная стратегия обычно содержит 30–50 показателей, как правило, выбранных из системы официального статистического учета, неявно предполагается, что с периодичностью, соответствующей установленному в этом документе горизонту планирования, может проводиться сопоставление индикативных (целевых) значений с достигнутыми. Однако такие действия фактически никогда не выполняются на практике органами власти, существуют лишь разрозненные оценки отдельных авторов в научной литературе [2].

Но самое главное – полезность подобного план-фактного анализа неочевидна. Ясно, что через 5–10 лет от момента принятия стратегии расхождения будут, причём весьма значительные, но при этом отсутствует четкое представление, как эти отклонения интерпретировать, считать ли их значимыми или незначимыми, каков диапазон допустимых значений в зависимости от вида показателя и т. д. Таким образом, существует научная и практическая потребность в модернизации подходов к оценке успешности реализации документов стратегического планирования на региональном уровне.

Обзор литературы

Основной корпус отечественных исследований 2010-х гг., в дескрипторах которых заявлена тема оценки (или мониторинга) реализации (или исполнения) стратегий социально-экономического развития регионов России, исходят из наиболее простой и очевидной методической предпосылки – непосредственного сопоставления целевых и фактических значений стратегических показателей. В частности, С. Р. Халтаевой, Е. Н. Ванчиковой путем план-фактного анализа мезоэкономических индикаторов было показано, что стратегия развития Республики Бурятия реализовывалась лишь на уровне инерционного сценария [3, с. 101]. Аналогичным образом Ю. Н. Буланов, Е. В. Иванова пришли к выводу о низкой степени исполнения стратегии развития Кемеровской области до 2025 года [2].

В работе И. В. Бочкаревой показана невысокая степень реалистичности целей стратеги-

ческого развития Забайкальского края на период до 2030 г. и их реализация также лишь на уровне наименее амбициозного инерционного сценария [4, с. 92]. Несколько иначе подошел к измерению исполнения стратегии Ульяновской области В. А. Шерин, который оперирует данными о месте региона в России по важнейшим стратегическим показателям и полагает, что эта область в 2008–2014 гг. вполне успешно реализовывала свою стратегию, поскольку улучшила рэнкинговые позиции по большинству индикаторов [5].

В исследовании Н. В. Морозовой, Н. В. Бондаренко идет речь о комбинации непосредственного сопоставления количественных показателей и качественных характеристик реализации стратегии, подлежащих специальному измерению, включая степень удовлетворенности населения, маркетинговые позиции региона в стране, качество управления [6, с. 182]. В то же время остается неясной возможность сопоставления результатов таких разнородных оценок между собой.

Существуют отдельные работы с более сложными методическими подходами к оценке реализации стратегии развития регионов [7; 8]. Т. В. Ускова и др. предлагают использовать метод динамических нормативов. Он сводится к тому, что при ранжировании ряда ключевых социально-экономических показателей по темпам роста можно получить характеристику эталонного режима функционирования управляемой системы [8, с. 36]. Поскольку этот режим задает стратегия, фактическая динамика выбранных показателей сравнивается с нормативными в соответствии с определенными «идеальными» соотношениями. Так, например, валовой региональный продукт (ВРП) должен расти быстрее численности населения, что отражает увеличение производительности труда; а ВРП должен увеличиваться быстрее инвестиций в основной капитал, поскольку это характеризует рост отдачи от инвестиций [8, с. 37].

Если данные соотношения соблюдались, в соответствующей матрице проставляется ранг «1», в противном случае «– 1». Далее используются коэффициент Спирмена и коэффициент Кендалла для определения фактического состояния динамического норматива. Применение этих методических положений к оценке исполнения стратегии развития Вологодской области показало, что ранговый коэффициент корреляции Спирмена по показателям динамического норматива существенно возрос, что указывает на положительную динамику эффективности реализации стратегии [8, с. 38]. Н. Н. Погостинская и др. также опираются на методологию динамического норматива, разработанную И. М. Сыроежиным еще в 1980-х гг., хотя выбор конкретных попарных соотношений показателей несколько отличается. Эти авторы считают динамический норматив мерой сбалансированности и системности в реализации стратегии и отмечают, что в большинстве арктических регионов он не соблюдается [7, с. 30].

Методология динамического норматива интересна возможностью сравнения разных регионов, формированием целостного показателя, учитывающего сбалансированность модели регионального развития. Вместе с тем, она игнорирует целевые соотношения показателей, заложенных в стратегию, которые могут существенно отличаться от эталонных при формально идеальных их сочетаниях. Кроме того, остается открытым вопрос о связи между соотношениями показателей и их абсолютными величинами.

А. Н. Соломатин, В. Р. Хачатуров предложили для мониторинга реализации региональной стратегии использовать аддитивную свертку отклонений фактических результатов от целевых показателей [9]. При этом отдельно рассчитываются отклонения, которые оказываются выше и ниже критических значений. В данном случае речь идет о простом суммировании отклонений, которое чревато эффектом субоптимизации. Представляется, что итоговый показатель суммы отклонений малоинформативен для управленческих целей.

Существуют разработки по индексам групп однородных показателей социально-экономического развития региона, которые агрегируют сходные стратегические цели и индикаторы их достижения. Например, А. И. Шишкин отмечает, что в Республике Карелия используются индекс качества жизни (агрегирует показатели душевых доходов, занятости, продолжительности жизни и т. д.), а также со-

циальный и производственный индексы. Их использование позволило понять, что социальный эффект в развитии региона достигается с определенным отставанием от производственного (на 1–2 года), а в последние годы развитие республики потеряло устойчивость [10, с. 20].

Подход, основанный на отборе наиболее информативных показателей для оценки промежуточных результатов реализации стратегии представлен в работе Н. А. Мамедовой, Ю. А. Сизановой. Они выбрали из нескольких десятков стратегических показателей наиболее важные: валовой региональный продукт (ВРП), производительность труда, децильный коэффициент, реальные доходы, безработица, численность населения, – которые позволили продемонстрировать определенное ухудшение положения дел в Мурманской области в 2012–2015 гг. [11, с. 199]. Мысль о выделении ключевых показателей видится интересной, однако никакого обоснования их выбора в статье не приводится.

К этому же направлению исследований может быть отнесена публикация Г. Ф. Балакиной, где выдвинута следующая методическая позиция. Оценка реализации стратегии должна охватывать как экономические, так и социальные результаты. Экономические результаты оцениваются по эффективности реализации инвестиционных проектов, в частности по достигнутому эффекту мультипликатора. Социальные результаты измеряются как «степень удовлетворения социальных потребностей населения региона в сравнении со стандартами развитых стран» [12, с. 1429]. С выделением социальной и экономической компонент оценки стратегии можно лишь согласиться, однако подобным представлениям явно недостает конкретики. Кроме того, их сложно применять в условиях крайней пестроты конкретных целевых стратегических показателей, которые встречаются в стратегиях различных субъектов Российской Федерации [13].

Что касается зарубежных разработок в исследуемой предметной области, то в академической литературе довольно ограниченно представлены конкретные методические подходы. В работе Н. Стефанович (*N. Stefanović*) и др. отмечается, что оценка реализации региональных стратегических планов является одним из самых слабых звеньев, поскольку недостаточно теоретически исследовано, методологически не обосновано и на практике осуществляется лишь частично [14, с. 55]. В то же время следует учитывать, что, в силу специфики институциональной организации науки в странах со зрелой рыночной экономикой, прикладные разработки в интересах публичной власти и местного самоуправления передаются заказчику и не предполагают широкого опубликования.

Как показывает проведенный обзор публикаций, в ряде случаев оценка результативности исполнения стратегии базируется на качественных данных и экспертных оценках [15], что видится неординарным для современных практик государственного управления, все чаще ориентирующихся на жесткие количественные индикаторы. Многие европейские территории готовят для оценки результатов реализации стратегии количественно-качественные обзоры или доклады. Например, в округе Глазго-Сити (Великобритания) такой доклад носит название «Региональная стратегическая оценка» (*The Regional Strategic Assessment*). Этот документ охватывает такие стратегические перспективы, как экономическое развитие, рынок труда и качество жизни, а также привлекательность Глазго среди других городов. Значительное внимание уделено показателям числа и качества рабочих мест, квалификации жителей, работе общественного транспорта, справедливому распределению выгод от экономического роста [16]. Интересно также, что все показатели рассматриваются в сравнении с 16 регионами-конкурентами.

В Британской Колумбии (Канада) для мониторинга успешности реализации стратегии выделено от 1 до 3 показателей по 10 стратегическим темам: земля, экономика, вода, здоровье, еда, жилье, климат, экосистема, транспорт, государственное управление. При этом показатели дифференцированы по срокам оценки. Например, по теме «Жилье» каждые 2–3 года определяются показатели «удельный вес современного жилья», «арендная плата по сравнению со средней по стране», каждые 5 лет – «удельный вес домохозяйств, которые тратят на жилье более 30 % дохода» [17]. Здесь импо-

нирует как довольно четко выраженная ориентация на качество жизни, так и высокое качество методической проработки специфических индикаторов.

Среди немногих обобщающих позитивных исследований можно выделить анализ подходов к оценке реализации стратегий по 16 областям Чили, проведенный И. Франчи-Арзола (*I. Franchi-Arzola*) и др. [18]. Ими, в частности, показано, что декларируемое всеми областями в качестве важнейшего стратегического приоритета устойчивое развитие в разной степени представлено в системах индикаторов исполнения стратегии. Например, в провинции Айсен (исп. *Aysén*) соответствующие показатели появились лишь после одного из крупнейших в истории Чили социально-экологических конфликтов вокруг мегапроекта «HidroAysén». При этом даже по заявленным индикаторам мониторинг ведется далеко не всегда. Эта работа подчеркивает существенное внимание к экологическому аспекту, как одному из стратегических приоритетов разработки и реализации стратегии.

Вообще, за рубежом в процессах мониторинга реализаций стратегий территорий аспекту сбалансированности уделяется серьезное внимание. В Нидерландах исходят из того, что стратегия будет успешной, если ведет к одновременному росту трех капиталов: экологического, социокультурного и экономического. В каждой из провинций по этим направлениям вырабатываются собственные индикаторы с учетом региональной специфики. Так, в четырех провинциях (Северный Брабант, Зеландия, Лимбург, Утрехт) в общей сложности существует 79 показателей, но лишь 23 из них приняты в каждой из них [19].

Как показывает проведенный анализ литературы, существующие подходы к оценке результатов реализации стратегии нуждаются в дальнейшем развитии. Они либо излишне громоздки и ограничивают возможность выделить главное (в случае план-фактного анализа по всему кругу показателей), либо предполагают сложный инструментарий, перспективность применения которого на практике сомнительна, либо же приводят к чрезмерной агрегации разноплановой информации в одном или нескольких показателях. Более интересны попытки выбрать максимально представительные показатели, но они редко имеют содержательное математическое или экономическое обоснование. В то же время отечественные подходы не учитывают идею сбалансированности стратегии с позиции качества жизни.

Таким образом, **целью исследования** является разработка и апробация методического инструментария оценки результатов реализации стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации на основе снижения размерности данных и учета сбалансированности регионального развития.

Материал и методы исследования

Предлагаемый методический инструментарий базируется на двух положениях. Во-первых, для оценки результатов реализации стратегии необходимо корректное разделение показателей по группам, так или иначе отражающим, по крайней мере, экономические, социальные и экологические результаты. Для этого предлагается использовать методологию сбалансированной системы показателей (ССП) Р. Каплана – Д. Нортона [20; 21], учитывая, разумеется, отличия региона как объекта управления от фирмы и необходимость наличия иных, по сравнению с классическими (финансы, рынок, процессы, обучение и рост), перспектив развития.

Принципиально возможно воспользоваться описанным выше опытом Нидерландов, выделив в соответствующие перспективы экономические показатели, экологическую ситуацию и качество жизни. Однако, в зависимости от принятого в регионе подхода к постановке стратегических целей, к подбору показателей могут быть добавлены такие перспективы, как инфраструктура, безопасность и др. На взгляд авторов, при «переформатировании» наборов стратегических показателей с учетом сбалансированности, следует учитывать конкретное содержание и логику региональных стратегий. Также необходимо принять во внимание, что показатели, связанные с уровнем и качеством жизни будут вышележащей перспективой по отношению к экономическому развитию, поскольку главной целью большинства стратегий обычно является повышение качества жизни [22; 23].

Во-вторых, для отбора наиболее представительных показателей из всей их совокупности предлагается использовать комбинацию традиционных инструментов снижения размерности – корреляционного и факторного анализа. В исследовании строилась матрица парных коэффициентов корреляции по каждой перспективе показателей, представленных в документах стратегического планирования. Среди показателей, имеющих корреляционную зависимость, часть может быть исключена. В том случае, если корреляция имеет экономический смысл, по содержательным соображениям исключаются менее информативные и ценные для системы управления показатели. Если же корреляционная связь не имеет экономического объяснения, проводится факторный анализ, с целью исключить показатели, более тесно связанные с ведущим фактором, т. е. близкими индикаторами. Такой подход, по мнению авторов, позволяет сократить информационную избыточность в разных группах (перспективах) показателей.

Материалом для исследования послужили документы стратегического планирования Кемеровской области – Кузбасса, где в 2018 г. была принята «Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» [24], а также официальные статистические публикации Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области (Кемеровостата) [25].

Результаты исследования и их обсуждение

Анализируя содержание и взаимосвязи стратегических показателей Кемеровской области – Кузбасса, авторы выявили, что заложенные в документы стратегического планирования приоритеты, цели, соответствующие им задачи, индикаторы достижения задач могут быть представлены в определенной логике, отвечающей методологии ССП. В частности, предлагается выделить четыре перспективы:

– «Инфраструктура», где идет речь о создании стартовых условий для привлечения инвестиций, экономического роста и улучшения качества жизни;

– «Экономика», характеризующая собственно экономический рост и развитие региона;

– «Качество жизни», в которой раскрываются непосредственные положительные эффекты для жизни людей;

– «Экология», отражающая улучшение экологической обстановки в регионе.

В рамках данной логики изначально создаются инфраструктурные и институциональные условия для экономического и социального прогресса, затем ускоряется экономическое развитие, позволяющее, в свою очередь, повысить качество жизни и улучшить экологическую обстановку.

Приведём разделение показателей Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 г. по перечисленным четырем перспективам.

Инфраструктура

Протяженность автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием (АДУП), доля автомобильных дорог, соответствующих нормативным требованиям (АДСТ), доля новых направлений подготовки в среднем профессиональном и высшем образовании (ДННП), уровень газификации объектов гражданского и промышленного строительства (УГС).

Экономика

Валовой региональный продукт (ВРП), ВРП на душу населения (ВРПНД), индекс промышленного производства (ИПП), добыча угля (ДУ), переработка угля (ПУ), энергоемкость ВРП (ЭВРП), объем сельскохозяйственного производства (ОСХП), доля организаций, осуществляющих технологические инновации (ОТИ), индекс производительности труда (ИПТ), доля несырьевого неэнергетического экспорта (ННЭ), инвестиции в основной капитал (ИОК), инвестиции в основной капитал на душу населения (ИОКДН), доля инвестиций в основной капитал в ВРП (ИВРП), численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства (ЗМСП), доля малого и среднего предпринимательства в ВРП (МСПВРП).

Качество жизни

Численность населения (ЧН), рождаемость (Р), смертность (С), суммарный коэффициент рождаемости (СКР), ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ), доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом (ГФС), среднедушевые денежные доходы (СДД), реальные располагаемые денежные доходы населения (РДД), среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работающего (ЗПН), уровень преступности (УП), обеспеченность жильем (ОЖ), превышение уровней потенциальных опасностей, обусловленных чрезвычайными ситуациями и пожарами, по сравнению с допустимым уровнем (ПУПП), безработица по методологии Международной организации труда (БМОТ), доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (НПМ), уровень удовлетворенности качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере культуры (УУК), расходы на культуру и искусство на душу населения (РКИ).

Экология

Количество вредных веществ, отходящих от всех стационарных источников выделения (ВВ), доля улавливаемых и обезвреживаемых вредных веществ (УОВВ), доля загрязненных сточных вод (ЗСВ).

Представленные данные показывают, что показатели реализации стратегии Кемеровской области – Кузбасса отражают все четыре перспективы развития, но в неравной степени. Если по перспективам «Инфраструктура» и «Экология» представлено 3–4 показателя, то перспектива «Экономика» характеризуется 15 показателями, «Качество жизни» – 16. Это указывает на определенную информационную избыточность и несбалансированность индикаторов реализации стратегии в разрезе разных перспектив. Многие показатели явно имеют корреляцию и информационно избыточны для оценки реализации стратегии. Поэтому по перспективам «Экономика» и «Качество жизни» целесообразно провести снижение размерности.

С этой целью были получены матрицы парных коэффициентов корреляции соответствующих показателей (по данным за 2010–2018 гг.), представленные в таблицах 1 и 2.

Из анализа были исключены отдельные показатели, по которым нет ретроспективных данных (доля организаций, осуществляющих технологические инновации, доля МСП в ВРП, уровень удовлетворенности качеством предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере культуры). Т. к. период наблюдений охватывает 9 лет, то число степеней свободы составляет 7, а критическое значение коэффициента корреляции при $\alpha = 0{,}05$ должно быть более 0,67 (данные значения в таблицах 1–2 выделены полужирным шрифтом). Учитывая значительную корреляцию ряда показателей, в ряде случаев можно говорить о целесообразности исключения части из них.

Таблица 1 – Матрица парных коэффициентов корреляции показателей стратегии Кемеровской области – Кузбасса по перспективе «Экономика»
Table 1 – Matrix of paired correlation coefficients of the strategy indicators of the Kemerovo Region - Kuzbass for the perspective "Economy"

	ВРП	ВРПНД	ИПП	ДУ	ПУ	ЭВРП	ОСХП	ИПТ	ННЭ	ИОК	ИОКДН	ИВРП	ЗМСП
ВРП	1	**1,00**	– 0,05	**0,94**	0,15	**– 0,91**	0,60	0,34	0,31	0,34	0,38	– 0,62	**– 0,74**
ВРПНД		1	– 0,05	**0,95**	0,14	**– 0,91**	0,61	0,35	0,32	0,34	0,38	– 0,62	**– 0,74**
ИПП			1	– 0,22	0,49	0,02	– 0,47	0,01	0,10	– 0,13	– 0,14	– 0,12	– 0,31
ДУ				1	– 0,04	**– 0,87**	**0,77**	0,38	0,37	0,30	0,35	– 0,59	**– 0,68**
ПУ					1	– 0,06	– 0,10	0,46	0,22	– 0,03	– 0,03	– 0,19	– 0,26
ЭВРП						1	**– 0,67**	– 0,26	– 0,09	0,00	– 0,05	**0,82**	**0,81**
ОСХП							1	0,34	0,30	– 0,10	– 0,06	– 0,61	– 0,51
ИПТ								1	0,45	– 0,17	– 0,15	– 0,44	– 0,43
ННЭ									1	0,16	0,18	– 0,16	– 0,48
ИОК										1	**0,99**	0,53	0,26
ИОКДН											1	0,49	0,22
ИВРП												1	**0,89**
ЗМСП													1

Таблица 2 – Матрица парных коэффициентов корреляции показателей стратегии Кемеровской области – Кузбасса по перспективе «Качество жизни»
Table 2 – Matrix of paired correlation coefficients of the strategy indicators of the Kemerovo Region - Kuzbass for the perspective "Quality of life"

	ЧН	Р	С	СКР	ОПЖ	ГФС	СДД	РДД	ЗПН	УП	ОЖ	ПУПП	БМОТ	НПМ	РКИ
ЧН	1	**0,80**	**0,89**	– 0,20	**0,98**	**0,97**	**– 0,98**	0,42	**– 0,99**	**0,93**	**0,99**	**– 0,80**	0,53	**– 0,76**	**0,88**
Р		1	0,51	0,38	**0,72**	**– 0,90**	**0,69**	0,04	**– 0,82**	**0,84**	**– 0,83**	**– 0,86**	0,17	– 0,45	**– 0,81**
С			1	– 0,50	**– 0,96**	**– 0,77**	**– 0,92**	0,61	**– 0,85**	**0,75**	**– 0,88**	– 0,61	0,64	**– 0,86**	– 0,64
СКР				1	0,31	0,05	0,36	**– 0,76**	0,12	0,02	0,17	– 0,15	– 0,23	0,58	– 0,11
ОПЖ					1	**0,92**	**0,98**	– 0,50	**0,96**	**– 0,89**	**0,98**	**0,76**	– 0,56	**0,83**	**0,79**
ГФС						1	**0,92**	– 0,32	**0,96**	**– 0,94**	**0,97**	**0,86**	– 0,33	**0,72**	**0,85**
СДД							1	– 0,48	**0,96**	**– 0,86**	**0,96**	**0,69**	– 0,55	**0,81**	**0,81**
РДД								1	– 0,34	0,22	– 0,43	– 0,25	0,16	**– 0,80**	– 0,12
ЗПН									1	**– 0,95**	**0,98**	**0,80**	– 0,57	**0,69**	**0,93**
УП										1	**– 0,94**	**– 0,85**	0,49	– 0,63	**– 0,88**
ОЖ											1	**0,85**	– 0,48	**0,77**	**0,86**
ПУПП												1	– 0,15	0,52	**0,69**
БМОТ													1	– 0,29	– 0,62
НПМ														1	0,42
РКИ															1

Так, по перспективе «Экономика» очень высокий уровень коэффициентов корреляции (более 0,90, практически прямая функциональная связь) наблюдается, в частности, у таких пар показателей, как «ВРП на душу населения – ВРП», «добыча угля – ВРП», «ВРП на душу населения – добыча угля», «инвестиции в основной капитал – инвестиции в основной капитал на душу населения». Высокий уровень корреляции данных показателей легко объясним. Поскольку численность населения в отличие от ВРП и объема инвестиций изменяется обычно монотонно и весьма медленно, динамика соответствующих валовых и удельных показателей имеет очень высокий уровень связи. Связь добычи угля и ВРП объясняется высокой степенью монопрофильной зависимости региона.

Исходя из этого, полагаем, что для оценки реализации показателей стратегической перспективы «Экономика» нецелесообразно использовать одновременно абсолютные и душевые показатели ВРП и инвестиций, рациональнее остановиться на душевых значениях ВРП и инвестициях в основной капитал (это также облегчит проведение межрегиональных сравнений).

Кроме того, из системы показателей для проведения оценки рекомендуем исключить добычу угля, что мотивируется следующими соображениями. Во-первых, даже при успешной диверсификации экономики (которой, впрочем, не происходило в Кемеровской области – Кузбассе никогда) корреляция ВРП и добычи угля, по-видимому, сохранится. Во-вторых, в составе стратегических показателей находится также индикатор «Переработка угля», который более корректно отражает развитие угольной отрасли, где необходимо ориентироваться на обогащение всего добытого сырья.

Следует полагать избыточным показатель «численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства». Хотя в регионе отсутствуют ретроспективные данные о вкладе данного сектора в ВРП, представляется, что показатель «доля малого и среднего предпринимательства в ВРП» более адекватно отразит соответствующую стратегическую цель. Тем более что занятость в малом и среднем предпринимательстве имеет отрицательную корреляцию с ВРП, а это указывает на поглощение части безработных при спаде в базовых отраслях субъектами малого и среднего предпринимательства с низкой производительностью труда и заработной платой. Вряд ли это может считаться стратегической целью регионального развития.

Без потери информативности также может быть исключен показатель «доля инвестиций в основной капитал в ВРП». Хотя формально корреляция инвестиций и ВРП несколько ниже уровня статистической значимости, более важно то, что при достижении целевых значе-

ний ВРП и инвестиций в основной капитал соответствующие пропорции накопления и потребления сложатся автоматически. Комментируя положение в системе показателей энергоемкости ВРП, можно отметить, что, судя по данным таблицы 1, потребление энергоресурсов сокращается при увеличении номинального ВРП. Однако энергоемкость ВРП считаем целесообразным оставить в составе показателей оценки, поскольку сохранение стабильности такого соотношения не гарантировано.

Также является, на первый взгляд, парадоксальным отсутствие статистических связей между индексом промышленного производства и душевым ВРП (– 0,05), а также индексом производительности труда и душевым ВРП (0,35). С точки зрения традиционных представлений, производительность труда является важнейшим фактором экономического роста (даже с учетом возможного временного лага между изменением выработки и макроэкономических показателей), а промышленное производство в Кемеровской области – Кузбассе является одной из главных компонент ВРП. Подобный парадокс имеет, на наш взгляд, методическую природу, поскольку показатель ВРП было предложено измерять в абсолютном номинальном выражении, тогда как индексы промышленного производства и производительности труда имеют относительный характер.

По показателям перспективы «Качество жизни» обнаруживается больше корреляционных связей и зависимостей. Наиболее очевидна в этой группе высокая корреляция демографических показателей – численности населения, рождаемости, смертности и ожидаемой продолжительности жизни (от 0,72 до 0,98). Содержательная взаимосвязь данных индикаторов также вполне логична. Поэтому вполне достаточно остановиться на численности населения и суммарном коэффициенте рождаемости, чтобы в полной мере оценить демографические аспекты качества жизни в регионе.

В группе показателей доходов и заработной платы обращает на себя внимание ожидаемая зависимость среднедушевых денежных доходов и заработной платы (0,96) при одновременном отсутствии связи располагаемых и реальных доходов, а также реальных доходов и заработной платы. Причина таких взаимосвязей также заключается в одновременном использовании номинальных и дефлированных показателей. В данной ситуации показатель среднедушевых денежных доходов информационно избыточен. Также для общей оценки результатов реализации стратегии предлагается исключить показатель реальных располагаемых денежных доходов населения, т. к. он имеет сильную взаимосвязь с индикатором «доля населения с доходами ниже прожиточного минимума» (– 0,80), а последний является более важной характеристикой достижения стратегических целей по борьбе с бедностью.

Еще один менее представительный показатель, создающий информационную избыточность – это, на взгляд авторов, расходы на культуру и искусство на душу населения. Они тесно связаны с численностью населения (0,88), и сокращение численности жителей региона обуславливает автоматическое увеличение душевого показателя. Кроме того, представляется более важным именно уровень удовлетворенности населения, а не затраченные ресурсы.

Остальные показатели перспективы «Качество жизни» целесообразно использовать для обобщенной оценки результатов реализации стратегии, поскольку многие корреляционные связи являются статистическими артефактами. Например, обратная связь (– 0,99) между численностью населения и номинальной заработной платой объясняется монотонным сокращением первого показателя на фоне инфляционных процессов.

Непосредственно оценку результатов реализации стратегии региона предлагается проводить путем сопоставления фактических и целевых показателей, учитывая, что в Кемеровской области – Кузбассе, как и большинстве других регионов, определены три сценария: консервативный, целевой и оптимистичный. Исходя из этого, по каждому показателю выделим зоны по часто применяемому принципу светофора, где красная зона указывает на критическую ситуацию и необходимость принятия срочных мер, желтая зона – на серьезные проблемы, а зеленая зона свидетельствует о достижении необходимого результата:

Таблица 3 – Результаты оценки реализации стратегии Кемеровской области – Кузбасса в 2019 г.
Table 3 – Results of assessing the implementation of the strategy of the Kemerovo region – Kuzbass in 2019

	Консервативный сценарий	**Целевой сценарий**	**Оптимистичный сценарий**	Фактическое значение	**Зона оценки**
Перспектива «Инфраструктура»					
АДУП	10,0	11,2	11,5	14,3	Зеленая
АДСТ	37,7	38,6	38,7	39,6	Зеленая
ДННП	22,5	25,0	30,0	25,0	Зеленая
УГС	2,3	3,0	3,1	2,3	Желтая
Перспектива «Экономика»					
ВРПНД	451,3	461,3	478,2	375,2 (оценка)	Красная
ИПП	108,5	112,4	116,4	102,4	Красная
ПУ	70,0	71,0	72,0	33,2	Красная
ЭВРП	370	360	350	н/д	—
ОСХП	100,4	101,3	102,5	98,1	Красная
ИПТ	103,5	104,8	105	н/д	—
ННЭ	23,0	25,0	25,3	31,0	Зеленая
ИОКДН	98,0	115,3	120,0	111,7	Желтая
МСПВРП	11,0	11,2	11,5	12,0 (оценка)	Зеленая
Перспектива «Качество жизни»					
ЧН	2670,6	2710,0	2715,0	2666,1	Красная
СКР	1,550	1,571	1,600	1,492	Красная
ГФС	45,0	47,0	50,0	43,0	Красная
ЗПН	38,6	43,6	43,8	41,7	Желтая
УП	1629	1474	1390	2017	Красная
ОЖ	25,1	25,2	25,5	25,0	Красная
ПУПП	3	2	2	3	Желтая
БМОТ	5,8	5,1	5,0	5,5	Желтая
НПМ	15,2	12,5	12,3	13,9	Желтая
УУК	88,7	89,0	89,3	н/д	—
Перспектива «Экология»					
ВВ	1410	1385	1380	1548	Красная
УОВВ	81,0	82,0	83,0	—	н/д
ЗСВ	31,0	30,0	25,0	19,7	Зеленая

– красная зона: фактическое значение показателя хуже, чем предполагается консервативным сценарием;

– желтая зона: фактическое значение показателя находится в интервале между консервативным и целевым сценариями;

– зеленая зона: фактическое значение показателя лучше, чем это предполагалось целевым сценарием.

Данные таблицы 3 позволяют оценить итоги первого года реализации стратегии социально-экономического развития региона. Хотя 10 показателей находятся в красной зоне, еще 6 – в желтой и только 6 – в зеленой, необходимо отметить, что по перспективе «Инфраструктура» большинство показателей успешно достигнуты. Это свидетельствует о том, что в регионе планомерно формируются условия для ускорения экономического развития и улучшения качества жизни людей. Прежде всего, это касается дорожного строительства и внедрения новых направлений подготовки в образовательных организациях.

Итоги экономического развития в 2019 г. оказались гораздо хуже ожидаемых, что обусловлено внешними факторами, зависимость региона от которых объективно не могла быть устранена в короткий срок. Как известно, в 2019 г. существенно снизились цены и спрос на уголь, что оказало самое негативное влияние на экономическое развитие Кемеровской области – Кузбасса. В силу этого в красную зону попали показатели душевого ВРП, промышленного производства, переработки угля. Вероятнее всего, негативную динамику покажет и индекс производительности труда. В то

же время несколько более благоприятная ситуация сложилась в сфере инвестиций, что внушает определенный оптимизм.

Примечательно, что в ситуации общего спада в зеленую зону попали показатели несырьевого неэнергетического экспорта и доли малого и среднего предпринимательства в ВРП. Это обусловлено не ускоренным развитием малого бизнеса как такового и созданием новых экспортных производств, а падением удельного веса базовых отраслей экономики (угольной и металлургической) в общей структуре выпуска и экспорта. Следовательно, с методической точки зрения, подтверждается представительность выбранных индикаторов для комплексной оценки результатов реализации стратегии в целом.

Что касается перспективы «Качество жизни», уровень реализации стратегических целей является довольно низким. В первую очередь это касается демографических показателей, свидетельствующих о продолжающемся снижении численности жителей региона. Негативные демографические тенденции переломить не удалось, судя по всему, поставленные на 2019 г. целевые значения показателей были необоснованно оптимистичными. Неблагоприятная ситуация в сфере занятости и доходов также не позволила выйти на целевые значения обеспеченности жильем. Не вполне обоснованными выглядят также целевые показатели по уровню преступности, поскольку за 2018–2019 гг. в регионе стабильно фиксировалось более 53 тыс. преступлений. Таким образом, неблагоприятные экономические тенденции не позволили существенно изменить к лучшему социальную обстановку.

Результаты реализации стратегии в рамках перспективы «Экология» оценивать на данном этапе достаточно сложно, поскольку формальное значительное увеличение выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников вызвано изменением методологии учета и пересчетом соответствующих данных за 2017–2019 гг. При этом предпринятые в 2018–2019 гг. усилия уже привели к существенному снижению удельного веса сточных вод, сбрасываемых без очистки, что положительно повлияет на экологическую обстановку в Кемеровской области – Кузбассе.

Заключение

В ситуации значительного разнообразия конкретных показателей достижения целей стратегического планирования в разных регионах страны, определенной информационной избыточности для оценки результатов реализации стратегии целесообразен отбор наиболее информативных показателей, исключение индикаторов, имеющих корреляционные связи с другими. Это позволит проводить достаточно полный план-фактный анализ, исключив информационную избыточность. Наряду с этим, целесообразно разделять показатели достижения стратегических целей на основе методологии системы сбалансированных показателей, выделяя такие перспективы, как «Экономика», «Качество жизни» и «Экология». В данном случае появляется возможность не только формального определения исполнения либо неисполнения конкретных показателей, но и исследования причинно-следственных связей между ними.

Реализация данного методического подхода на материалах Кемеровской области – Кузбасса привела к необходимости выделения четырех перспектив, находящихся в причинно-следственных связях. Так, перспектива «Инфраструктура» связана с созданием исходных условий для экономического и социального развития, перспектива «Экономика» характеризует сами темпы и качество экономического роста. Данная перспектива является основой для достижения целевых показателей перспектив «Качество жизни» и «Экология».

При оценке результатов реализации стратегии в 2019 г. (это первый год исполнения новой стратегии региона) авторы пришли к выводу, что стартовые условия для экономического и социального развития Кемеровской области – Кузбасса формируются достаточно активно, соответствующие показатели находятся в зеленой зоне. Одновременно кризис на угольном рынке вызвал невыполнение большинства показателей, связанных с перспективой «Экономика», а это в свою очередь сказалось и на недостаточном уровне реализации целей в сфере качества жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ред. от 18.07.2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26. Ст. 3378.

2. Буланов Ю.Н., Иванова Е.В. (2018). Оценка предварительных результатов реализации стратегии развития Кемеровской области до 2025 года // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 3. Ст. 5512.

3. Халтаева С.Р., Ванчикова Е.Н. (2012). Оценка реализации стратегии социально-экономического развития региона // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. № 4. С. 99–101.

4. Бочкарева И.В. (2014). Оценка реализации стратегических направлений развития Забайкальского края на период до 2030 года // Вестник Забайкальского государственного университета. № 5. С. 86–93.

5. Шерин В.А. (2016). Оценка реализации региональной стратегии // Российский экономический интернет-журнал. № 1. С. 34.

6. Морозова Н.В., Бондаренко Н.В. (2014). Подходы к оценке эффективности реализации региональных стратегий социально-экономического развития // Вестник Чувашского университета. № 3. С. 178–182.

7. Погостинская Н.Н., Погостинский Ю.А., Власова М.С. (2019). Измерение стратегии социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации // Арктика: экология и экономика. № 1. С. 21–33.

8. Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Асанович В.Я. Оценка реализации стратегии развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 1. С. 30–42.

9. Соломатин А.Н., Хачатуров В.Р. (2015). Методы контроля реализации стратегий регионального развития // Проблемы управления. Вып. 5. С. 53–61.

10. Шишкин А.И. (2015). Мониторинг развития Республики Карелия (период с 1992-го по 2013 год) // Экономика и управление. № 3. С. 18–21.

11. Мамедова Н.А., Сизанова Ю.А. (2017). Оценка реализации стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 г. и на период до 2025 г. // Вестник Томского университета. Экономика. № 37. С. 196–205.

12. Балакина Г.Ф. (2017). Проблемы определения эффективности реализации стратегии развития региона // Региональная экономика: теория и практика. Т. 15, № 8. С. 1428–1441.

13. Маковкина С.А. (2018). Формирование института стратегического планирования в Российской Федерации: региональный аспект // Вопросы управления. № 6. С. 60–66.

14. Stefanović N., Josimović B., Hristić N. (2018). Models of implementation of spatial plans: Theoretical approach and case studies for spatial plans for the special purpose area. In: Y. Ergen (ed.) *An Overview of Urban and Regional Planning*. London: IntechOpen.

15. Grooten L., Fabbricotti I. N., Devroey D., Vrijhoef H. (2020). Assessment of the implementation fidelity of a strategy to scale up integrated care in five European regions: a multimethod study, *BMJ Open*, vol. 10, no. 3. DOI: 10.1136/bmjopen-2019-035002.

16. Regional Strategic Assessment. *Glasgow City Region*. URL: http://www.glasgowcityregion.co.uk/RSA (accessed 05.07.2020).

17. Regional growth strategy monitoring program. Our home. Our future. *Regional District of Central Okanagan*. URL: https://www.regionaldistrict.com/media/275808/RGS_Monitoring_Program.pdf (accessed 05.07.2020).

18. Franchi-Arzola I., Martin-Vide J., Henríquez C. (2018). Sustainability assessment in development planning in subnational territories: Regional development strategies in Chile, *Sustainability*, vol. 10, no. 5. pp. 1–30.

19. Hermans F., Haarmann W., Dagevos J. (2011). Evaluation of stakeholder participation in monitoring regional sustainable development, *Regional Environmental Change*, vol. 11, no. 3, pp. 805–815.

20. Каплан Р., Нортон Д. (2006). Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М. : Олимп-Бизнес.

21. Каплан Р., Нортон Д. (2012). Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты. М. : Олимп-Бизнес.

22. Косинский П.Д., Чупрякова А.Г. (2016). Экономический рост как функция качества жизни населения региона // Фундаментальные исследования. № 11-5. С. 1021–1025.

23. Морозова Е.А. (2018). Качество жизни населения как индикатор социально-экономического развития моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. № 3. С. 35–41.

24. Закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» // Кузбасс. 2019. № 1.

25. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области. URL: https://kemerovostat.gks.ru/ (дата обращения: 05.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Акулов Анатолий Олегович – кандидат экономических наук, доцент; Кемеровский государственный университет (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); akuanatolij@yandex.ru.

Мухачёва Анна Валентиновна – кандидат экономических наук; Кемеровский государственный университет (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); oblakkko@mail.ru.

Нестеров Алексей Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент; Кемеровский государственный университет (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); nesterov.rf@gmail.com.

COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE IMPLEMENTATION OF REGIONAL STRATEGIES BASED ON STATISTICAL ANALYSIS

A.O. Akulov[4a], **A.V. Mukhachyova**[5a], **A.Yu. Nesterov**[6a]

[a]Kemerovo State University

ABSTRACT:

The most important aspect of the strategic management of the development of territories and regions is the assessment of the results of the implementation of the strategy. Currently, methodological approaches to assessing the implementation of the strategy are simplified. In this regard, it is necessary to develop methodological approaches that would allow for a more holistic determination of the results of the implementation of the strategy, taking into account the balance of regional development.

The study used the balanced scorecard by R. Kaplan – D. Norton and statistical methods of dimensionality reduction in a situation of information redundancy (correlation analysis, factor analysis). An approach to assessing the results of the implementation of the regional development strategy was developed, in which the prospects for strategic development are first identified, and then the least informative indicators are excluded for each of them. In accordance with the target values of strategic indicators within the framework of different scenarios of strategic development, the real values can be assigned to the green, yellow or red zone.

The application of this approach to the Kemerovo region – Kuzbass made it possible to identify four strategic perspectives: "Infrastructure" (creation of initial conditions for growth), "Economy", "Quality of life" and "Ecology". The perspectives "Economics" and "Quality of Life" in strategic planning documents are heavily overloaded (15–16 indicators), so a number of strategic indicators were excluded. Comparison of the real indicators of the strategic development of the Kemerovo Region – Kuzbass for 2019 with the target indicators within the inertial, target and optimistic scenarios made it possible to assess the results of the first year of the strategy implementation. The Infrastructure outlook indicators are in the green zone and in line with the target scenario, which indicates the orderly creation of conditions for economic growth. Most

[4]RSCI AuthorID: 614574, ORCID: 0000-0002-2301-7943

[5]RSCI AuthorID: 680524, ORCID: 0000-0002-3720-4969

[6]RSCI AuthorID: 394642, ORCID: 0000-0002-9854-4860

indicators of the outlook for "Economics" were in the red or yellow zones, mainly due to the unfavorable situation in the coal industry in 2019. As a result, it was not possible to achieve the full implementation of the goals related to the quality of life, especially demographic and income goals.

FUNDING: The article is based on the results of research funded by the Kemerovo State University on the subject "System of indicators for assessing the socio-economic situation in the region and the implementation of its development strategy (on the example of the Kemerovo region)".

KEYWORDS: strategy, region, system of well balanced indices, evaluation methods, correlation analysis, Kemerovo region – Kuzbass, well balanced strategies.

FOR CITATION: Akulov A.O., Mukhachyova A.V., Nesterov A.Yu. (2020). Comprehensive assessment of the implementation of regional strategies based on statistical analysis, *Management Issues*, no. 5, pp. 132–146.

REFERENCES

1. Federal Law No. 172-FZ dated June 28, 2014 "On Strategic Planning in the Russian Federation" (as amended on July 18, 2019). Collected Legislation of the Russian Federation. 2014, no. 26. Art. 3378.

2. Bulanov Yu.N., Ivanova E.V. (2018). Assessment of the preliminary results of the implementation of the development strategy of the Kemerovo region until 2025, *Regional economy and management: electronic scientific journal*, no. 3. Art. 5512.

3. Khaltaeva S.R., Vanchikova E.N. (2012). Assessment of the implementation of the strategy of socio-economic development of the region, *Economics, statistics and informatics. Bulletin of Educational Methodical Association*, no. 4, pp. 99–101.

4. Bochkareva I.V. (2014). Assessment of the implementation of strategic directions for the development of the Trans-Baikal Territory for the period up to 2030, *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, no. 5, pp. 86–93.

5. Sherin V.A. (2016). Assessment of the implementation of the regional strategy, *Russian Economic Internet Journal*, no. 1. P. 34.

6. Morozova N.V., Bondarenko N.V. (2014). Approaches to assessing the effectiveness of the implementation of regional strategies for socio-economic development, *Bulletin of the Chuvash University*, no. 3, pp. 178–182.

7. Pogostinskaya N.N., Pogostinsky Yu.A., Vlasova M.S. (2019). Measuring the strategy of socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation, *Arctic: ecology and economics*, no. 1, pp. 21–33.

8. Uskova T.V., Selimenkov R.Yu., Asanovich V.Ya. (2015.) Assessment of the implementation of the regional development strategy, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no. 1, pp. 30–42.

9. Solomatin A.N., Khachaturov V.R. (2015). Methods for monitoring the implementation of regional development strategies, *Management problems*, no. 5, pp. 53–61.

10. Shishkin A.I. (2015). Monitoring the development of the Republic of Karelia (period from 1992 to 2013), *Economics and Management*, no. 3, pp. 18–21.

11. Mamedova N.A., Sizanova Yu.A. (2017). Assessment of the implementation of the strategy of socio-economic development of the Murmansk region until 2020 and for the period until 2025, *Bulletin of Tomsk University. Economy*, no. 37, pp. 196–205.

12. Balakina G.F. (2017). Problems of determining the effectiveness of the implementation of the regional development strategy, *Regional economy: theory and practice*, vol. 15, no. 8, pp. 1428–1441.

13. Makovkina S.A. (2018). Trends of formation of a strategic planning system in the Russian Federation: regional aspect, *Management Issues*, no. 6, pp. 60–66.

14. Stefanović N., Josimović B., Hristić N. (2018). Models of implementation of spatial plans: Theoretical approach and case studies for spatial plans for the special purpose area. In: Y. Ergen (ed.) *An Overview of Urban and Regional Planning*. London: IntechOpen.

15. Grooten L., Fabbricotti I. N., Devroey D., Vrijhoef H. (2020). Assessment of the implementation fidelity of a strategy to scale up integrated care in five European regions: a multimethod study, *BMJ Open*, vol. 10, no. 3. DOI: 10.1136/bmjopen-2019-035002.

16. Regional Strategic Assessment. *Glasgow City Region*. URL: http://www.glasgowcityregion.co.uk/RSA (accessed 05.07.2020).

17. Regional growth strategy monitoring program. Our home. Our future. *Regional District of Central Okanagan*. URL: https://www.regionaldistrict.com/media/275808/RGS_Monitoring_Program.pdf (accessed 05.07.2020).

18. Franchi-Arzola I., Martin-Vide J., Henrí-

quez C. (2018). Sustainability assessment in development planning in subnational territories: Regional development strategies in Chile, *Sustainability*, vol. 10, no. 5. pp. 1–30.

19. Hermans F., Haarmann W., Dagevos J. (2011). Evaluation of stakeholder participation in monitoring regional sustainable development, *Regional Environmental Change*, vol. 11, no. 3, pp. 805–815.

20. Kaplan R., Norton D. (2006). Balanced scorecard. From strategy to action. Moscow, Olymp-Business.

21. Kaplan R., Norton D. (2012). Strategic cards. Transformation of intangible assets into tangible results. Moscow, Olymp-Business.

22. Kosinskiy P.D., Chupryakova A.G. (2016). Economic growth as a function of the quality of life of the population of the region, *Fundamental research*, no. 11-5, pp. 1021–1025.

23. Morozova E.A. (2018). Quality of life of the population as an indicator of socio-economic development of single-industry towns, *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no. 3, pp. 35–41.

24. Law of the Kemerovo Region No. 122-OZ dated December 26, 2018 "On Approval of the Strategy for Socio-Economic Development of the Kemerovo Region until 2035". Kuzbass, 2019, no. 1.

25. Official site of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Kemerovo Region. URL: https://kemerovostat.gks.ru/ (accessed 07.05.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Anatoliy O. Akulov – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); akuanatolij@yandex.ru.

Anna V. Mukhachyova – Ph.D. of Economic Sciences; Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); oblakkko@mail.ru.

Aleksey Yu. Nesterov – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); nesterov.rf@gmail.com.